

CREATIVE RESOURCE'S MIGRATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Irina Arakelian

*Candidate of Economy science,
Senior Researcher of the Institute of Philosophy,
Sociology and Law of NAS RA*

SUMMARY

In recent decades, political and social-economic transformations in Armenia have drastically changed the position of human resources of intellectual labor, especially, the creative intellectuals. The aggravation of the problems of employment, the decline in living standards, economic instability led to the fact that many employees of creative professions, specialists in order to realize their labor interests, improve their financial situation, began to look for an opportunity to get work abroad.

Such forms of labor migration such as the private tours of artists, exchange of students and schoolchildren, organization of olympiads and tournaments, invitation of specialists for lecturing were widely spread. Among them, the most significant in the development of world progress are cultural figures that make up intellectual interstate migration. Thus, the departure of these people basically is considered as the «drain of creative resources».

Key words: migration, creative resources, globalization, state, safety.

СОВРЕМЕННОЕ АРМЯНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРОБЛЕМА ТЕРРОРИЗМА: СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ (По материалам социологического исследования)¹

Владимир Осипов

*Кандидат философских наук
старший научный сотрудник Института
философии, социологии и права НАН РА*

В рамках изучения широкого спектра проблем радикализма и экстремизма в современном обществе большое внимание исследователями уделяется терроризму, ставшему на сегодняшний день одной из основных

¹ Социологическое исследование на базе анкетного опроса 1000 респондентов в 3 городах Республики Армения (Ереван, Гюмри и Ванадзор) было проведено в апреле-мае 2018 г. сотрудниками Института философии, социологии и права Национальной Академии наук РА (руководитель исследовательской группы академик НАН РА, доктор социологических наук, профессор Г.А. Погосян) в рамках комплексного изучения проблематики радикализма в современном армянском обществе.

глобальных угроз и проблем современной цивилизации. Концептуализируемый в качестве синтеза крайне радикальных взглядов, идей и эмоций (нередко в рамках религиозных или секулярных, политических и иных идеологий) и экстремистских действий, терроризм уже на протяжении нескольких десятков лет постоянно находится в повестке дня как международного сообщества в целом, так и отдельных стран с целью поиска эффективных методов предупреждения и борьбы с этим глобальным вызовом.

Явление это сложное, многогранное и неоднозначное, как и его восприятие в разных социально-политических контекстах. Именно поэтому в международно-правовом поле до сих пор не выработано и не кодифицировано его определение. Неслучайно и отношение к нему сложное и неоднозначное, что подтверждается и данными нашего опроса.

Выяснение отношения разных категорий граждан к феномену терроризма в целом и его различным проявлениям в частности имеет важное как теоретическое, так и практическое, прикладное значение. Ведь это один из самых эффективных показателей радикализации социума, фиксирующий *спектр и специфику* данного среза настроений его членов и характеризующий *ряд аспектов* общественного сознания и *нюансы* общественной психологии.

Как свидетельствует международный опыт, восприятие феномена терроризма и отношение к нему может как оставаться неизменным длительное время, так и быстро изменяться в зависимости от целого ряда внешне- и внутривнутриполитических, социально-экономических и иных факторов и событий, а также от исторической памяти и опыта. Неудивительно поэтому, что у каждой страны наблюдается своя специфика в данном вопросе, тем более, что темп жизни и динамика изменений современного социума резко возросли. И как свидетельствуют события последних месяцев в Армении, наша страна не является исключением.

Два месяца, в течение которых проводилось исследование, во многом явились судьбоносными для нашего общества, так как открыли новые перспективы национального развития и предоставили возможность применения новых форм и методов разрешения назревших социальных конфликтов.

Однако, следует учесть, что зондаж общественных настроений и установок хотя и проходил на фоне судьбоносных событий, все же в немалой степени фиксировал установки, представления, отношения, сформированные ранее и сохраняющиеся благодаря инерции общественного и индивидуального сознания. Недовольство политической и экономической системой и особенно действиями властей все реже носило латентный характер, экстернализирующийся лишь эпизодически, – все чаще

оно стало канализироваться в протестные действия, которые стали становиться все более массовыми, масштабными и более радикальными - если не всегда по форме, то по характеру выдвигаемых требований.

В зависимости от типа и остроты конфликта и его восприятия обществом, методы его разрешения и, соответственно, формы борьбы могут быть разными. Нередко на волне протестных движений и акций, особенно в случае силовых методов их подавления, на первый план могут выйти радикальные подходы, предлагающие экстремистские методы, в том числе иногда и акты террора.

Полагаю, что в случае наличия в нашем обществе позитивного отношения к терроризму - поскольку общественные настроения могут при соответствующих условиях стимулировать радикальные и экстремистские проявления (а в некоторых случаях и перерастать в них) - придется констатировать наличие социально-политической базы радикалов и экстремистов и серьезного раскола в обществе (особенно опасен разрыв между правящей элитой и обычными гражданами)², а, следовательно, целесообразно составить представление об этих силах³ и об их удельном весе - реальном и потенциальном и, что не менее важно, об их умонастроениях. Возможно, что эти силы не представлены конкретными социальными группами или слоями, а распределены в них в разной степени. Поэтому имеет смысл попытаться составить своего рода социально-демографический профиль лиц, которые как минимум на вербальном уровне позитивно относятся к терроризму.

В рамках проведенного опроса респондентам был задан вопрос, чтобы выяснить их отношение к террористическим актам. Сформулирован он был так: «Оправдан ли террористический акт, если он направлен против незаконных действий властей?» Исходя из сложившейся в Республике ситуации и особенно с учетом роста социально-политической напряженности и противостояния в указанный период можно было предположить, что какая-то часть респондентов выскажется за терроризм, особенно в рамках данного вопроса. Полученные результаты, однако, оказались неожиданными.

² «Немалую роль в преобразовании настроений в политическое поведение играет уровень (градус) напряженности во взаимоотношениях власти и общества. Низкая напряженность минимизирует переход доминирующих общественных настроений, вне зависимости от их типа, в поведенческие акты, высокая — стимулирует этот процесс». Галкин А.А., Общественные настроения и политическое поведение: некоторые тенденции современного развития // *Полития*, 2014 г., № 2 (73), с. 10. (Москва).

³ Известный социолог Ральф Дарендорф отмечал, что за конфликтом в социуме всегда стоят определенные социальные силы и что они «нечто большее, нежели плод фантазии социологов». Дарендорф Р., Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы, Москва, РОССПЭН, 2002, с. 71.

На вопрос ответили утвердительно 20,6%, отрицательно 68,8% и затруднились ответить – 10,6%. Иначе говоря, хотя две трети всех респондентов категорически не приемлют использование теракта даже в ответ на незаконные действия властей, тем не менее каждый пятый респондент в выборке дал утвердительный ответ.

Обратимся к Сводной таблице 1, в которой приведены корреляции ответов на первый вопрос с социально-демографическими характеристиками респондентов, и к Сводной Таблице 2, в которой приведены корреляции ответов на первый вопрос с некоторыми аспектами политической и общественной активности и установками (аттитудами) респондентов.

Таблица 1. Корреляция ответов на вопрос “Оправдан ли теракт, если он направлен против незаконных действий властей?” с социально-демографическими характеристиками респондентов

Социально-демографические характеристики респондентов	Оправдан ли теракт, если он направлен против незаконных действий властей?		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Пол			
Мужчины	22.1%	67.2%	10.7%
Женщины	19.4%	70.1%	10.5%
Возраст			
До 16 лет	40.0%	46.7%	13.3%
16-19	18.5%	69.2%	12.3%
20-29	23.3%	66.0%	10.7%
30-39	25.6%	65.1%	9.3%
40-49	21.7%	70.8%	7.5%
50-59	22.0%	64.0%	14.0%
60 и старше	11.1%	78.4%	10.6%
Город			
Ереван	24.0%	68.0%	8.0%
Гюмри	24.4%	51.6%	24.0%
Ванадзор	10.0%	87.6%	2.4%
Уровень образования	Данные не приведены, потому что связь между этими двумя переменными отсутствует: $\chi^2(14) = 23.537$ $p = 0.052$		
Род Вашей деятельности в настоящее время	Данные не приведены, потому что ожидаемые частоты в 21.3% ячеек ниже 5 (0.85).		

Как следует из Таблицы 1, мужчины и женщины практически одинаково ответили на этот вопрос. Разница полностью совпадает со

статистической погрешностью. Так что можно констатировать, что гендерный аспект в данном вопросе не играет никакой роли.

Относительно возрастных групп респондентов можно сказать, что хотя возраст и является фактором, влияющим на мнение респондентов, но в целом в очень незначительной степени. Мнения респондентов в возрастных группах от 20 до 59 лет практически совпадают, особенно при положительном ответе на данный вопрос. Не очень существенно отличается от них и группа респондентов в возрасте 16-19 лет. Сильно отличаются ответы лиц в возрасте до 16 лет и 60 и выше. Ответами респондентов в возрасте 15 и почти 16 лет практически можно пренебречь, так как в выборке они составляют всего полтора процента, и к тому же у этих лиц еще отсутствует социальная и политическая зрелость, но, вероятнее всего, им присущ юношеский максимализм.

Интересная картина складывается при рассмотрении регионального аспекта. Были опрошены жители трех самых крупных городов Армении. Практически одинаковый процент респондентов среди жителей Еревана и Гюмри оправдывает теракт, если он направлен против незаконных действий властей. Но в плане отрицательного ответа ереванцы более категоричны, тогда как среди жителей Гюмри этот процент значительно ниже, тем более в сравнении с жителями Ванадзора, тогда как процент затруднившихся ответить среди них в 3 раза выше, чем среди ереванцев, и в 10 раз выше, чем среди ванадзорцев. Позиция жителей Ванадзора существенно отличается от позиции жителей двух других городов. Только один из каждых десяти опрошенных ванадзорцев готов оправдать теракт, тогда как практически девять десятых не согласны его оправдать.

Хотя уровень образования однозначно не коррелирует с позицией по данному вопросу, просматривается непоследовательно выраженная тенденция: лица с более высоким уровнем образования в большей степени склонны занимать радикальную позицию. Из этой тенденции выпадают лица с базовым средним (9-летним) образованием, среди которых процент лиц, готовых оправдать теракт, такой же как среди лиц со средним специальным и высшим образованием.

Как отмечено в Таблице 1, четкой зависимости мнения по указанному вопросу от рода деятельности респондента нет. Действительно, в большинстве случаев, среди разных групп процент одобряющих теракт колеблется в промежутке от 23% до 26%. От усредненного показателя отличаются инженерно-технические работники и студенты вузов, среди которых процент выше (до 33%), а также госслужащие и сотрудники силовых структур, среди которых процент значительно ниже (16%-18%). Меньше всего склонны разделять радикальную позицию

пенсионеры (6.7%): в их случае немаловажную роль бесспорно играет и фактор возраста.

Обратимся теперь к данным, приведенным в Таблице 2.

Таблица 2. Корреляция ответов на вопрос “Оправдан ли теракт, если он направлен против незаконных действий властей?” с политической и общественной активностью и установками респондентов

Политическая и общественная активность и установки респондентов	Оправдан ли теракт, если он направлен на незаконные действия властей?		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Участие в массовых беспорядках в ответ на несогласие с властями			
Да	35.5%	57.9%	6.6%
Нет	17.6%	73.1%	9.2%
Затрудняюсь ответить	10.4%	55.8%	33.8%
Участие в уличных шествиях и демонстрациях, не согласованных с властями			
Да	36.8%	57.0%	6.3%
Нет	15.1%	76.2%	8.7%
Затрудняюсь ответить	10.5%	51.2%	38.4%
Участие в протестных движениях последних лет			
Да	37.2%	54.4%	8.4%
Нет	14.3%	74.2%	11.4%
Готовность захватить силой орган гос. власти, если он не выполняет свои функции			
Да	56.0%	37.0%	7.1%
Нет	11.9%	81.1%	7.0%
Затрудняюсь ответить	17.8%	39.6%	42.6%
Действия группы “Сасна црер” обоснованные и оправданные			
Да	42.6%	52.7%	4.8%
В целом да, но с оговорками	18.6%	76.8%	4.6%
Согласен с их целями, но не методами	18.5%	67.8%	13.8%
Нет	6.0%	82.6%	11.4%
Затрудняюсь ответить	14.3%	53.6%	32.1%

Даже поверхностный взгляд на эти данные позволяет увидеть четкую закономерность: среди тех, кто персонально участвовал в акциях протеста и/или занимает ярко выраженную радикальную позицию, процент оправдывающих теракт против незаконных действий властей существенно выше, чем среди тех, кто не участвовал и/или не занимает радикальную позицию.

Так, среди тех, кто участвовал в массовых беспорядках в ответ на несогласие с властями, а также среди тех, кто принимал участие в несанкционированных уличных шествиях и демонстрациях или участвовал в протестных движениях последних лет, процент лиц, оправдывающих террористический акт, более чем в 2 раза (а в последнем случае в 2.5 раза) выше, чем среди тех, кто не участвовал в протестных акциях и движениях. Следует обратить внимание и на тот факт, что практически каждый третий из активистов (35.5%-37.2%) оправдывает возможность применения теракта против незаконных действий властей.

Доля тех, кто оправдывает такую возможность, еще выше среди тех, кто как минимум на вербальном уровне занимает весьма или крайне радикальную позицию. Можно с уверенностью предположить, что в эту группу входит и большинство (если не все) из вышеупомянутых тех активистов. Так, готовы оправдать теракт свыше половины (56%) лиц, которые готовы силой захватывать органы государственной власти, если последние не выполняют свои функции. И это довольно высокий процент, поскольку выясняется, что данную позицию разделяет каждый десятый респондент (с учетом того, что 18.4% всех респондентов готовы силовыми методами захватывать органы государственной власти). События апреля и мая нынешнего года подтвердили, что и на уровне реального поведения весьма высок процент лиц, готовых блокировать деятельность органов власти или даже попытаться захватить их.

Еще выше процент лиц, оправдывающих возможность применения теракта, среди тех, кто считает действия группы "Сасна црер" обоснованными и оправданными (42.6%, а с учетом тех, кто с оговорками оправдывает их действия – 61.2%, а с учетом тех, кто согласен с их целями, но не методами - 79.7%). Примечателен и тот факт, что среди тех, кто считает действия группы "Сасна црер" обоснованными и оправданными, доля лиц, оправдывающих возможность теракта, в 7 раз выше, чем среди тех, кто однозначно не согласен (и даже почти в 2,5 раза выше, чем среди тех, кто с оговорками считает их действия обоснованными и оправданными или согласен с их целями, но не методами).

Итак, можно сделать вывод, что в современном армянском обществе довольно широкое распространение получает оправдание и обоснование прямого политического или гражданского действия, реализуемого нередко вне рамок как прописанных законом правил, так и конвенциональных практик традиционного политического и гражданского общества. Постепенно происходит "рутинизация практики", и формы протеста, ранее считавшиеся ненормативными, начинают восприниматься в качестве приемлемых, несмотря на то, что они могут носить безусловно радикальный, а то и экстремистский характер.

Особенно, ярко это проявляется на примере отношения к действиям группы “Сасна црер”.

И тем не менее, все это не объясняет столь широкой поддержки в плане оправдания теракта против незаконных действий властей. Мне представляется, что проблема заключается в неверной, поверхностной интерпретации терроризма. Терроризм является проявлением идеологически и/или политически мотивированного (в том числе неизбирательного) насилия с целью запугивания, манипулирования и принуждения.

В Армении не распространены предельно агрессивные и крайние идеологии, на которых бы базировался терроризм. Более того, в Армении практически отсутствует террористический нарратив. У нас даже нет риторики терроризма. Имеется – но крайне узкий спектр – риторика радикализма, но не крайнего экстремизма, кульминацией которого является терроризм. А ведь специалисты отмечают, что если раньше терроризм сводился к политическому насилию, то теперь терроризм представляет собой сочетание (комбинацию) как насилия, так и пропаганды в целях рекламирования и убеждения других о потенциале данной группы причинять ущерб и разрушать⁴.

В дискурсе в публичном пространстве никто не призывает к терроризму, редко – и в завуалированной форме – можно встретить оправдание насилия. А ведь террористический нарратив – чтобы быть эффективным и воздействовать на целевую аудиторию должен предложить “альтернативную форму рациональности, которая глубоко укорена в культуре и которая может использоваться для интерпретации местных событий в определенной перспективе и стратегического поощрения специфических видов личностных действий”⁵.

Уровень насилия, особенно вне правовых рамок, со стороны государственных структур развращает общество, приучает его к насилию, что, кстати, проявляется и в распространении бытового насилия – в брутализации повседневной жизни социума, как сказали бы социологи. Своими действиями или бездействием власти содействовали легитимизации насилия в общественном сознании. “Нормальность” насилия укрепляет убеждение в том, что на насилие со стороны государства можно, а иногда и должно отвечать насилием. Поэтому очень важно понять причины и мотивы каждого действия, которое формально и с определенной политической позиции может быть интерпретировано как теракт. Как представляется, в

М.

⁴ Более подробно См.: Schmid A. P., *Terrorism as Psychological Warfare // Democracy and Security*, 2005, Vol. 1(2), pp. 127-136.

⁵ Corman Steven R., *Understanding the Role of Narrative in Extremist Strategic Communication // Countering Violent Extremism: Scientific Methods and Strategies*. Laurie Fenstermacher & Todd Leventhal (Eds.). Washington, D.C.: NSI Inc., 2011, p. 42.

случае Армении, когда имеют место проявления незамедлительного или “отложенного” ответного насилия, главную роль играют чувства и ощущения беспомощности, безнадежности в плане социальных изменений, острое реагирование на социальную несправедливость, насилие и беззаконие правящей элиты. Это эмоциональный ответ на тупиковость ситуации. Именно поэтому подобные действия встречают не просто сочувственное понимание, но и поддержку, как это было в случае с группой “Сасна црер”. Есть важная особенность, которая не укладывается в привычные схемы: странный терроризм, если вместо единодушного осуждения, массы выходят их поддержать и защитить. В том числе и потому, что их действия не воспринимаются подавляющим большинством общества как террор, что подтверждается и результатами нашего опроса. Даже среди тех, кто однозначно высказался против оправдания теракта в ответ на незаконные действия властей, действия группы “Сасна црер” обоснованными и оправданными считают 73.4%, а 20.1% так не считают (при 6.5% затруднившихся ответить).

Можно также обратить внимание и на тот факт, что у “Сасна црер” практически не было идеологии, а их требования сложно назвать политической программой. Только сейчас эта группа и ряд ее сторонников начинают вырабатывать политическую платформу. Но и она пока еще не получила адекватного оформления и в ней пока не присутствует идеология.

Повторюсь, “террор” в Армении в прошлые годы – это главным образом действия в ответ на де факто неправовой террор властей. Это также реакция на злоупотребления служебным положением, коррупцию и беззакония, на некомпетентность и социальную несправедливость, на блокирование законных путей к изменению ситуации, смены власти, режима и т.д., на аномию и отчуждение и на “разрыв” социальной “ткани”, что в целом представляет собой структурное насилие.

И это типично не только для Армении. Например, по мнению экспертов, в Центральной Азии “важным фактором возникновения насильственного экстремизма являются проблемы неудовлетворительного правления”⁶.

Интересно, что на один из других вопросов анкеты, где тоже шла речь об оправдании теракта, утвердительный ответ дал существенно более высокий процент респондентов (27.2%) и, кроме того, почти на 10% снизилось число тех, кто дал отрицательный ответ (59.0%). И это несмотря на “грозное” напоминание, что акты террора являются уголовно наказуемым преступлением как в международно-правовом поле, так и в законодательстве Армении. Этот вопрос нуждается в отдельном рассмотрении, что выходит за

⁶ Omelicheva M.Y., Terrorism / Crime Nexus in Central Asia: Implications for countering violent extremism and terrorism // *Countering Violent Extremism: Developing an Evidence-base for Policy and Practice*. (Edited by Sara Zeiger & Anne Aly). Pert, Australia: Curtin Univ., 2015, p. 52.

рамки данной статьи. Можно, однако, высказать предположение, что ответив – после подробно рассмотренного нами выше вопроса – на целый ряд других вопросов (в том числе и на вопрос о группе “Сасна црер”) и тем самым уже менее спонтанно и более продуманно отвечая на второй вопрос, немалая часть респондентов (17%) изменила свою позицию или в сторону одобрения теракта или вместо отрицательного отношения затруднились ответить.

Нельзя забывать и еще об одной специфике армянской ситуации – историческом аспекте, когда террор совершался как возмездие в виде физической ликвидации лиц, причастных к организации и проведению Геноцида армян (операция “Немезис”) или как средство заставить мировую общественность “вспомнить” о Геноциде (“Асала”). Отличие этих действий от обычного терроризма заключается в том, что он не был направлен на устрашение и уничтожение мирных граждан и не было массового применения оружия.

Таким образом можно сказать, что в своих оценках (в том числе и по вопросу о “Сасна црер”) респонденты опирались не на мировой опыт, а на армянские реалии.

В то же время следует особо подчеркнуть, что тем не менее большинство респондентов не оправдывает допустимость теракта ни на каких основаниях.

Следует также еще раз отметить, что высказанные мнения и установки по большей части относятся к *статус-кво анте* с учетом “бархатной революции” и в основном – инерционны. Если политические, экономические, социальные и культурные условия жизни существенно изменятся в направлении демократизации, то бесспорно, что отпадет даже гипотетическая необходимость не только терактов, но даже крайне радикальных и экстремистских идеологий и действий.

В противном случае, если в той или иной форме произойдет возврат к реалиям и практике прошлого режима, изучение вопросов терроризма может переместиться из теоретической в практическую плоскость. И тогда вновь приобретет актуальность мысль, высказанная в опубликованной недавно книге, в которой рассматривается ситуация в Армении до “бархатной революции”: “Роль предохранительного клапана должна играть политическая конкуренция и легальная оппозиция. ... но ... преобладает тенденция к монопольному контролю над политическими институтами и превращению легальной оппозиции в несамостоятельную, карманную. В этих условиях можно ожидать усиления существующих и возникновения новых радикально-террористических движений, а также – как показал недавний пример группы “Сасна црер”, – выхода нормальных оппозиционных групп за границы правового поля. Нельзя предсказать, когда именно в Армении следует ждать [трудно прогнозируемые и неожиданные события, которые

имеют значительные последствия]. Ясно одно: если плыть по течению, катастрофа непременно произойдет...»⁷.

Как бы то ни было, представляется полезным дальнейшее изучение спектра данной проблематики, пусть даже ретроспективно.⁸ Например, теоретическую и практическую ценность представляло бы изучение *структурных мотиваторов и индивидуальных побудительных стимулов* к применению насилия и иных форм и методов радикально-экстремистских действий.

РЕЗЮМЕ

В рамках проведенного социологического опроса изучалось отношение к терактам. Хотя 2/3 всех респондентов не одобряют теракт, тем не менее каждый пятый респондент оправдывает его. Пол, уровень образования и род деятельности не коррелируют с отношением к теракту, а возраст коррелируется очень слабо. Большой процент жителей Еревана и Гюмри по сравнению с ванадзорцами готовы оправдать теракт. Выявилась четкая закономерность: среди тех, кто участвовал в акциях протеста и/или занимает радикальную позицию, процент оправдывающих теракт существенно (в 2-7 раз) выше, чем среди тех, кто не участвовал и/или не занимает радикальную позицию. В Армении не распространены экстремистские идеологии, на которых базировался бы терроризм и отсутствует террористический нарратив. «Террор» в Армении – это действия в ответ на неправомерный террор властей, на физическое и структурное насилие и произвол.

Ключевые слова: терроризм, радикализм, экстремизм, аттитюды.

ԺԱՄԱՆԱԿԱԿՆՑ ՀԱՅ ՀԱՄԱՐԱԿՈՒԹՅՈՒՆՆ ՈՒ ԱՀԱԲԵԿՉՈՒԹՅԱՆ ԽՆԴԻՐ. ԸՆԿԱԼՍԱՆ ՅՈՒՐԱՀԱՏՎՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

(Սոցիոլոգիական հետազոտության նյութերի հիման վրա)

Վլադիսլավ Օսիպով

Փիլիսոփայական գիտությունների թեկնածու,
ՀՀ ԳԱԱ Փիլիսոփայության, սոցիոլոգիայի և
իրավունքի ինստիտուտի ավագ գիտաշխատող

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Սոցիոլոգիական հարցման շրջանակներում ուսումնասիրվեց ահաբեկչության նկատմամբ վերաբերմունքը: Չնայած հարցվողների երկու երրորդը մերժում են ահաբեկչությունը, այնուամենայնիվ,

⁷ Варданин Р., Алекан Н., На перекрестке. Время решений, М., Б.и., 2018, с. 108-109.

յուրաքանչյուր հինգերորդ հարցվողն արդարացնում է այն: Հարցվողի սեռը, կրթությունը և գործունեության տեսակը ահաբեկչության նկատմամբ վերաբերմունքի հետ չի կորելացվում, իսկ տարիքը՝ կորելացվում է շատ թույլ: Վանաձորցիների համեմատ Երևան և Գյումրի քաղաքների բնակիչների ավելի մեծ տոկոսը պատրաստ է արդարացնել ահաբեկչությունը: Հստակ օրինաչափություն է հայտնաբերվել բողոքի ակցիաների մասնակիցների և/կամ արմատական դիրքորոշում ունեցողների մեջ ահաբեկչությունն արդարացնողների տոկոսը զգալիորեն (2-7 անգամ) ավելի բարձր է, քան ոչ մասնակիցների և/կամ արմատական դիրքորոշում չունեցողների շրջանում: Հայաստանում տարածում չունեն ծայրահեղական գաղափարախոսություններ, որոնք հիմք կհանդիսանային ահաբեկչության համար և բացակայում է ահաբեկչական նարրատիվ: Հայաստանում «ահաբեկչությունը» դա գործողություններ են ի պատասխան իշխանությունների անօրինական ահաբեկչության, ֆիզիկական և կառուցվածքային բռնության և կամայականության:

Բանալի բաներ՝ ահաբեկչություն, արմատականություն, ծայրահեղականություն, ընկալումներ:

PRESENT-DAY ARMENIAN SOCIETY AND THE ISSUES OF TERRORISM: PERCEPTION SPECIFICS (Based on Sociological Survey Findings)

Vladimir Osipov

*Candidate of Philosophical Sciences,
Senior Researcher of the Institute of Philosophy,
Sociology and Law of NAS RA*

SUMMARY

Within the framework of the sociological survey attitudes toward terrorism were studied. While two-thirds of the respondents reject terrorism, each fifth respondent nevertheless justifies it. Gender, level of education and occupation are not correlated with attitudes towards terrorism, while age is correlated weakly. A larger percentage of Yerevan and Gyumri residents as compared to those in Vanadzor are ready to condone terrorism. A clear pattern emerged: a percentage of those justifying terrorism is considerably (2-7-fold) higher among protest action participants and/or those taking a radical stance than among non-participants and those with a non-radical stance. Extremist ideologies that terrorism would be

grounded in are not common and a terrorist narrative is non-existent in Armenia. "Terror" in Armenia is actions in retaliation to unlawful terror, physical and structural violence and arbitrariness on the part of authorities.

Key words: terrorism, radicalism, extremism, attitudes.

ЭТНИЧЕСКИЙ РАДИКАЛИЗМ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Юрий Бубнов

*Доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин
Могилёвского государственного университета продовольствия*

Беларусь имеет устойчивую репутацию благополучной, с точки зрения межэтнических отношений, страны. Недаром именно её выбирают для проведения мирных переговоров участники некоторых современных политических конфликтов. Гостей Беларуси обычно приятно удивляет дружелюбие местных жителей по отношению к приезжим. Нашу страну многие считают примером этнической толерантности. Соглашаясь, в общем, с такой оценкой, попытаемся всё же проверить, так ли это на самом деле и, во всяком случае, определить уровень этнической нетерпимости в общественном сознании жителей Беларуси.

Начнём с определения социальной базы этнической нетерпимости, которая, в свою очередь, порождает этнический радикализм. Базовой идеологической позицией, приводящей в итоге к этнической нетерпимости, выступает разделение людей на плохие и хорошие народы. Именно такое разделение этносов является социально-психологической основой различных форм этнической дискриминации вплоть до самых радикальных её проявлений. «Хорошим» народом почти всегда признаётся свой «коренной» этнос, а инородцы клеймятся негативной оценкой. Чаще всего это приводит к рецидивам этнофобии. Посмотрим, используя социологический метод, насколько широка социальная база этнофобии в Беларуси. Источником наших следующих рассуждений в данном случае будут результаты социологического опроса 684 взрослых жителей Беларуси, проведённого под руководством автора сотрудниками кафедры гуманитарных дисциплин Могилёвского государственного университета продовольствия ещё в 2009 году. В дальнейшем у нас будет возможность сравнить результаты этого опроса с более новыми данными, относящимися к 2018 году, когда мы опросили 400 респондентов в различных регионах страны. В качестве социологического индикатора этнофобии мы использовали суждение: